

Зиндер Циля Семеновна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..." "

НО НАМ, ДЕТЯМ, БЫЛО ОЧЕНЬ ХОРОШО!



Циля Семеновна Зиндер, примерно 1944 год

ДОРОГА В ЭВАКУАЦИЮ

Война застала нашу семью на большом металлургическом заводе в городе Кривой Рог. Туда мои родители были направлены по распределению после окончания машиностроительного техникума. Сами они родом были из Белой Церкви. Родители мои были из очень-очень небогатых семей. И дедушки мои были даже неграмотные по-русски. По-еврейски, так как они были народом книги, то они были все грамотные. В условиях начавшейся войны надо было срочно эвакуировать на Урал оборудование и персонал завода, чтобы ввести в эксплуатацию недостроенный металлургический комбинат в Нижнем Тагиле. Нужен был металл для производства танков. И вот эти мои полуграмотные бабушки и дедушки приехали в Кривой Рог из Белой Церкви. Они вообще-то ведь прошли Первую Мировую, у них уже на этот счёт какой-то опыт был. Они приехали и стали вещи собирать. Я помню: бабушка кладёт утюг, мама утюг выбрасывает, или наоборот. Но одну сковородку, я помню, они несколько раз вытаскивали –

закладывали. И эта сковородка у нас до сих пор есть на Мшинской, на даче. Небольшая чугунная сковородочка, которая, конечно, пригодилась.

Папа и все мужчины, которые были оставлены на заводе, оставались. Они готовили завод к приходу немцев. Мы же ехали составом: там были теплушки – нары в один этаж. У нас был угол. Нас было шесть человек в этом углу: я, мама и четверо бабушек и дедушек. И несколько семей вот так располагали в этой теплушке. А между этими теплушками стояли платформы, на которых были станки. И мы дети, это ж лето было, играли между этими станками. Это были наши игрушки! Мне было четыре с половиной.

Мама моя перед войной посмотрела голливудский фильм «Профессор Мамлок». И она тогда поняла, что фашисты – это страшное бедствие. И она первая сказала: «Надо убежать!». Вот она это поняла, а ведь многие остались. У нас у одних родственников моего мужа родители остались: молодые уехали, а старые сказали: «Что мы поедим?!». И погибли.



Тагил, сестра и Томара Грузман (сидит), примерно 1949 год

Когда мы приехали в Тагил, нам дали проходную комнату в деревянном доме американской постройки. Потому что этот завод металлургический в Тагиле, куда моих родителей определили, строили американцы. Поэтому очень многое было сделано по их проектам. А в Америке то - тепло! А на Урале то – холодно! Эти

дома, где мы жили - это двухэтажный дом и веранда на полдома. Нам, детям, было хорошо на этих верандах играть: дождь не страшен, свежий воздух! У нас была проходная комната, а за нами комнату занимал дядя Моисей, он с папой и с мамой учился в техникуме. Они все вместе работали, вместе эвакуировались. В жизни потом вместе – дружили.

Конечно, эти дома американского образца были очень холодные. И даже картошку так хранили: около стенок делали дощатые объёмы, и картошка замерзала - вот так было холодно. Печки были, но всё равно. А воду брали таким образом: недалеко от этих домов стояла будка и туда подводилась вода. И будка эта отапливалась постоянно. Там сидел человек, смотрел в окошко, чтобы вода, не дай бог, не застыла. Приходили люди с вёдрами, стучали в окошко, и он открывал кран, а те набирали воду и отходили. Иногда, когда мама меня не могла оставить, она меня в эту будку отдавала дежурному. И он мне разрешал открывать кран. И это было очень большое дело и интересно.

Бабушка с дедушкой мои жили в таком центральном посёлке – это был рабочий посёлок с бараками. И мы тоже жили на центральном посёлке. Но у нас был двухэтажный дом, а у них – просто барак. Барак – это такое длинное здание с центральным коридором. И вот комната, где жили мои бабушка с дедушкой, дедушка, который был жестянщик, это была большая комната и у них было четыре угла, которые отгораживались простынями. В одном углу – одна семья, в другом – другая и так далее.

Там было два посёлка: один – технический посёлок, это благоустроенные дома, элита. И центральный посёлок – это рабочие дома, это бараки. Это был старый посёлок. Там была поликлиника, парк. Причём в парке были развлечения американские. Там катали шары, бегали. Потом фигуры с ракетками, с вёслами - вот этого там сколько угодно. Завод когда-то это обустроивал. А другой посёлок, элитный, там были дома с удобствами: с ванными, с электричеством, с водой. И вот нам дали комнату в такой квартире. Причём, что самое удивительное, остальную квартиру занимала семья главного инженера завода. Их тоже уплотняли, или они сами уплотнялись. Таким образом, мы попали вот в эту интеллигентную семью. У них дедушка преподавал музыку: стоял рояль, приходили ученики. У нас была комната - 12 метров. Там стояли две кровати:

одна – моя, одна – родительская и большой-большой письменный стол. А там уже всё – в одной тумбе посуда, в другой тумбе – постельное. А вот под письменным столом пространство – это был детский уголок. Мы там жили довольно долго, а потом, когда немцев стали выгонять из разных районов страны, этого главного инженера уже послали что-то восстанавливать. И туда поселили председателя завкома с четырьмя детьми. Так что у нас там народу было! Веселья было!

ОДЕЖДА

Американцы присылали вещи: красивые, но лёгкие. И всё - равно как-то из них перешивали. Вот когда мне надо было идти в первый класс, ничего не было! А маме дали две юбки детские. И вот из этих двух юбок мне сшили шерстяное платье красивое. А из клеёнки старой сделали портфель с большой пуговицей. И гордо так: в первый класс – а у тебя и портфель и форма. Родителям в цехах давали талоны. Тёмные платья, по размеру, если у тебя первоклассник, тебе дают талон. Идёшь в магазин, на этот талон тебе дают платье. Американцы очень помогали. А тем детям, у которых родители погибли, таких тоже было много, им давали новенькие курточки американские.

Сами делали такую обувь, называлась «ЧТЗ», из резины колёс. Эти колёса от тракторов – они толстые, резина толстая. Вот вырезают кусок резины, привязывают верёвки и ходят. Ну, нету, ну что делать?! Это когда ещё тебе дадут по каким-то талонам! А тут грязь, мороз, холод. Которые, конечно, по изворотливей, те умудрялись валенки купить или свалять из чего-нибудь. Резиновых сапог не было – это ж целая промышленность! Как-то умудрялись шить кожаные, из заменителя, кирзовые – такие сапоги, чтобы не промокали. Они, конечно, иногда промокали, опять их чинили, и это была целая область - ремонт обуви. Ничего, босиком не ходили! А уж кому повезёт с резиновыми сапогами – так это вообще!

Там были венгры пленные, европейские портные. Они устроили в лагере ателье. И местные жители нашего посёлка могли там шить. И вот моя мама, она эти вещи сразу узнавала. Она с ними договорилась, и мне сшили пальто. Тоже ведь ничего не было, не купить! Если давали по талонам какой-то отрез, то раз в сто лет. И мне шили пальто из офицерской немецкой шинели. Я его отказывалась

носить. Было много рёву. Но мороз-то он есть! И мне говорили: «Да хорошее пальто! Чего ты ревьешь?». И я ходила в этом пальто. Потом мне осеннее пальто какое-то сделали с железной пряжкой! Они классные портные! И вот мама в благодарность за то, что они это сделали, их пригласила на обед. Какой-то там она обед придумала. Она уж старалась! Ведь люди руками сделали. А уж они-то были счастливы, надо думать!

ЕДА

Маме надо было на Южный Урал, чтобы те вещи, которые у неё оставались ещё хорошими: крепдешинное платье, какой-то отрез, увести и там поменять на картошку, на крупу. Она знала, чего надо и чего там можно купить. А нельзя было ездить лишь бы куда, мало ли куда тебе захочется! Значит, они доставали бланки командировок, писали командировки. А печать где взять? Они ставили пятак. Намазывают чернилами, ставят печать и едут поездом. Я думаю, если бы хотели их выгнать, их бы выгнали. Ну, еду женщины доставали. Причём интересно, вот мы сейчас имеем дачу в Лужском районе и у нас есть соседка, которая говорила, что они жили на Южном Урале. Она говорила: «Вот эти два коврика моя мама сменяла у приезжих».

Помню, туда в Тагил пригнали несчастных узбеков. Вот на этот Урал, в жесточайшие морозы пригнали южан, якобы для того, чтобы они работали! А что они умеют на металлургическом заводе? Они торговые люди, они привезли урюк. У них халаты полосатые и кушаки. И вот в этих кушаках урючины были. И они даже рынок организовали. Его мы, дети, называли «бабайский рынок». И выдуривали, выпрашивали, у родителей деньги, копейки, чтобы можно было за какую-то денежку купить урючину, как конфетку. Конфет же не было. То есть у нас было такое занятие: бегать на бабайский рынок и купить урючину.

Я-то ходила в детский садик и нас там кормили, конечно. Иногда они нам давали морковные котлеты, я даже сейчас помню – такие противные! При том, что дети были голодные. Но морковные котлеты- это было выше всех наших сил!



Праздники, Тагил, детский сад, 1944 год

На счёт ёлок там вопроса не было, на Новый Год ёлок сколько хочешь! Цех давал возможность, чтобы поехать, и транспорт, чтобы привести эти ёлки. Мама из ржаной муки и патоки пекла печенье с дырочками, и его вешали на ёлку на верёвочках. А вкусно было, что там говорить! Из ватмана делали выкройки, которые из дома в дом носили. Какую-то гитару мы клеили. Ну, флажки, конечно. Потом на заводе в электроотделе - фольга. Приносили с завода фольгу, и орехи обклеивали фольгой, и вешали на ёлку. Ну, в общем, всё, как полагалось. Родители старались праздник для детей сделать. Люди всегда стремятся всё-таки детям радость доставить.

У меня день рождения 26 декабря, и у мамы было железное правило: раз день рождения у ребёнка, значит, надо справлять. На день рождения гости пришли, мы играем в «Каравай». И я помню, как я всё волновалась, что не придут гости. Значит, мне уже исполнилось 5 лет. И мама потом всегда вспоминала, как я бегала и слушала, кто пришёл. Пришёл ли кто? А вдруг никто не придёт?! Всё, как полагается. Мне подарили чашечку с блюдцем. И она долго-долго у нас ещё была, пока не разбилась.

ДЕДУШКИНА РАБОТА

Бабушка с дедушкой жили в углу, а дедушка - то жестянщик, что ему делать? Он притащил какую-то рельсину, и посреди комнаты стояла эта рельсина, он на

ней выколачивал чего-то там, чего надо. Вот из больших банок из-под тушёнки, которые экономили и сохраняли, мой дедушка делал бидончики. Это была у него такая фирменная работа. Приходили заказчики, приносили эти банки. У него своих не было, откуда они?! И он колотил на радость всем остальным жителям этой комнаты. Но я не помню, чтобы были скандалы по этому поводу. Может быть, он и им что-нибудь такое делал. Я так мечтала, чтобы он мне сделал ведёрко игрушечное. Но я не добилась. Единственное, чего я добилась, что он мне сделал пенал в виде трубки. И вот у меня был такой пенал, что если в классе надо было заколотить гвоздь, то колотили моим пеналом. Это вот тоже было дедушкино изобретение.

У дедушки ещё был опыт Первой Мировой, и это ему очень помогало! Он ходил по столовым, и заводские, всякие производственные там были. Он предлагал свои услуги: где кастрюля прохудилась, где поварёшка. Он сам даже делал поварёшки, он всё умел.

Конечно, там в эвакуации и интеллигенция была: и учителя, и врачи – ну, всё, что полагается для жизни.

ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ

В Тагиле был Тагил ЛАГ. Я так понимаю – один из крупнейших лагерей. За нашим посёлком была Черёмушная горка, и мы детьми там играли. И с этой горки было видно лагерь. Тогда там были немцы военнопленные. Мы видели, как они там в футбол играли, у них чисто очень было. Но народ, конечно, придумывал всякое. Говорили: «им дают белый хлеб». Ну какой им могли давать белый хлеб, военнопленным немцам, когда здесь-то был голод?! Но, конечно, их тоже кормили, это по правилам полагалось. При этом эти же немцы военнопленные строили город.

Там в лагере эти немцы пленные работали и у них были обрезки железа. И вот они из этих обрезков железных делали игрушки и высылали детям. И, таким образом, у меня всегда была мебель для кукол: и диванчики, и кроватки. И, конечно, это было здорово!

Вот этих пленных немцев ставили на строительные работы. Они строили дома и шоссе, причём строили хорошо. Мальчишки наши бегали к немцам, которые строили, и менялись с ними. Те просят газету, чтобы курить, а сами отдают коробочки какие-то завинчивающиеся. То есть такой вражды, злобы, которая, казалось бы, должна быть, - этого не было.

Дома ремонтировали вообще расконвоированные немцы. Поскольку мы, дети, бегали всё время около дома, то были у нас друзья – вот эти немцы. Я помню, один такой здоровый, рыжий был. И он говорит: «Muter» и показывал нам свои карточки. Ему же надо было кому-то показать. У него она в нагрудном кармане была, чтобы не дай бог не потерять, не замазать. Вот он доставал эту карточку, твёрдую, я помню хорошо, и говорил: «Mein Muter, Mein Fater», ну и детишек. А мы все говорили: «Такие красивые!». И он был очень доволен. И когда мы прибежали, мы же не стоим на месте – играем, он норовил нам показать её ещё раз хотя бы. Для него это было большое удовольствие. Мы это понимали. «Но фрицы, ганцы, оборванцы!» - это само по себе. А человек! Это, видимо, для нормальных людей свойственно уже врага не видеть в нём, если он около тебя стоит, что-то делает, помогает.



Тагил, школа, первый класс, 1944 год

И вот уже из садика в 1944 году мы пошли в школу, в первый класс. И учились в три смены, так как была одна школа. Причём, тогда были мужские и женские. Вот эта 5 школа, которая единственная была, она была мужская, так

сказать, номинально. И девочки в ней были. Мальчишки были в первую смену, а мы, наверное, во вторую или третью. Что-то немыслимое, если по три человека сидели на парте! И не было тетрадок! А мама моя, она до войны была копировщицей, поэтому у неё, видать, что-то такое сохранилось. И на бумаге обёрточной мама чертила мне линеечки. Это такое задание было дано. Ну что делать, если нету бумаги?! Газетные поля использовали, там, где белое. А для одной девочки старший брат начертил в другую сторону эти полоски. Откуда он знает?! Ну, может, он в третьем классе был. Так её выгнали. До конца школы я всегда вспоминала, что она от нас отстала на целый год из-за этих полосок.

В школе давали хлеб: приносили к какому-то уроку на деревянных досках. Его там очень строго взвешивали. И если чего-то не хватало, то давали довесочек. И главная задача была –получить хлеб с довеском. Хотя это был тот же самый вес, как нам объяснили. Но нет, с довеском вкуснее! Он был и правда вкусный, наверное, потому что был свежий. Кто домой унесёт, кто по дороге съест, кто тут же съест.

Помню, значит, была такая газета «Пионерская правда». Нас уже научили читать, а газет не было – не выписать ничего! И я папе говорю: «Я так хотела бы газету!». «Так напиши! Напиши в «Пионерскую Правду»». «Как?!», - «Ну, так!». И я написала. Я хотела, чтобы он написал. А он: «Нет, так не пойдёт! Пиши сама. Они сразу увидят, как ты учишься». А я: «Ну, как они увидят?!», - «Увидят!». Ну, я несколько раз переписывала это письмо. В нём я им объясняла, что мне так нравится газета, а не выписать. Остаться вечером я не могу, так как мы все вместе идём из школы. И мне прислали квитанцию! Это у меня было такое первое бюрократическое движение. И я поняла, если что-то хочешь, надо что-то сделать. И правда, мы пошли заплатили с папой и всё – мы получали год.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО



Татьяна Львовна Резник и её дочери Люда и Валя, 1945 год, Тагил

В Кривом Рогу наша семья дружила с моей воспитательницей в детском саду. Когда нас эвакуировали с завода, то поскольку она работала не на заводе, а в детском саду, то её эвакуировали как-то по-другому. У неё муж был в армии, а она с дочками эвакуировалась куда-то в Краснодарский Край. Когда она туда приехала с двумя девочками, туда же были эвакуированы несколько человек из её района. Её знакомые, люди, которые её знали. Она была блондинка с голубыми глазами, но фамилия её -Резник. Резник – это еврейская фамилия. И она когда туда приехала, вскоре там появились немцы, и она свой паспорт закопала куда-то. А она работала там, жила с девочками. И вот один пожилой немец, так как у него в Германии остались такие же девочки, то он приходил с её дочками играть. И вот однажды он прибегает и говорит: «Таня! Твои соседки пришли в комендатуру и о тебе докладывают, доносят. Давай-ка быстрее! Собирайся!». Он ей помог собраться и увёз куда-то в далёкое-далёкое село. И она осталась в той деревне. Потом немцев выгнали из этих мест, и она нас нашла, потому что найти как-то можно было. Были эвакуопункты через которые, зная фамилию, всё это можно узнать было. И она к нам приехала. Вот с этими двумя девочками.

Воспоминания записала и оформила

Любава Шатохина

2012г.